

НЕ МИЛО, А МИМО

Независимая газета.
— 2000. — 15 янв. — с. 7

О выступлении в Москве одного всемирно известного мима

Григорий Заславский

В СПЕКТАКЛЕ — в том представлении, которое позавчера, 13 января, можно было видеть в театре «Новая опера» — все, в общем, было, как надо. Нельзя поспорить с тем, что выступлению Вячеслава Полунина сопутствовал успех. Публика хлопала в ладоши и при первом появлении Полунина, и радуясь каждому гугу, и когда наступил антракт, и тогда, когда антракт затянулся и актеры вместе со зрителями перебрасывались охапками резанной белой бумаги, которая обозначала снег (по-английски спектакль называется «Snow show»; в русском варианте — «Шоу снов» (режиссер «того и другого» — Виктор Крамер): как видно, стремились к созвучию, а не к равенству смысла)... Хлопали после антракта, когда артисты вернулись на сцену, и овацию устроили в финале. Полунин объединил даже недружных и между собой олигархов с народом! Борис Березовский подбрасывал гигантский надувной мяч, полетевший в зал, с не меньшим азартом, чем сидящий рядом ребенок или находившийся неподалеку Анатолий Чубайс. Иосиф Кобзон преподнес Полунину цветы, Эльдар Рязанов улыбался.

Говорят, что критики не любят театр. Это не так. Если «обычному зрителю» нравится, а критику — нет, это может означать, в частности, и то, что критик знает нечто большее, то, чего обычный зритель не знает, и эта разница мешает им жить одним чувством. Критика можно только пожалеть.

Шоу Полунина, который не был в Москве (как утверждают те, кто считал) семь лет, ничего нового в Полунине не открыл. После такой долгой разлуки хотелось узнать и не узнать. Увидеть то прекрасное, что заставило когда-то полюбить этого замечательного актера и обнаружить то, чем он жил эти годы. Приобретения обнаружить не

удалось. Говорят, западно-европейская цивилизация заставила Полунина выработать более строгую форму. Кажется, и это не так. Скорее, речь о сухости. Но главное, конечно, в другом. Его выступление чем-то напомнило манеру Дэвида Копперфильда, искусство которого восхищает, но не трогает. И его номера, как елочные игрушки из старо-новогоднего анекдота, блестят, но не радуют. За семь лет он не нашел ни единого нового слова, ни одной новой истории. Новое же часто заключалось в том, что старые номера всего лишь «обрубили» с начала или с конца, таким образом доведя до европейских стандартов.

«Асисей» с телефонными трубками не был совершенно тем же. Тогда, помнится, героиня из этой телефонной истории «для двух героев и одного Полунина» чем-то была похожа на героиню Нееловой из «Осеннего марафона». Теперь Неелова сидела в зале — она, как известно, как и Полунин, стала в этом году лауреатом «Триумфа». Но есть меж ними разница: нееловский «дичок», оказавшись на несколько лет в Париже, не привился к тамошней цивилизованной культуре. А Полунин привился и теперь выдавал то, что там котировается и, может быть, имеет высокий рейтинг и растущие в цене акции и хорошая ликвидность. Наверное, все это можно как-то примерить к курсу рубля, но ценность этого искусства, как говорится, увы, уже не та.

Полунину нечего сказать. Денег, правда, хватает на дорогой антураж, бутафорию, реквизит. В некоторых его номерах мебель выступает на равных с актерами.

Рассказывают, что премьера спектакля «Snow show» прошла в Лондоне, в театре, расположенном в рабочем районе. Когда-то именно там работал Чаплин, которого Полунин называет среди своего любимого (куда также входит творчество Макса Эрнста, Леонида Енгилбарова, Михаила Жванецкого). Это многое бы могло сообщить

спектаклю. Не сообщает. Просто теперь там Полунин заканчивает то, что так удачно он начинал в Ленинграде.

Любопытно, что нынешний эксклюзивный, как, наверное, надо о нем говорить, приезд Полунина в Москву случайно совпал с гастролями нынешних «Лицедеев», которые, как бывает, на фоне более громкого события прошли незамеченными. А зря. Помнится, несколько лет назад, когда в Театре эстрады выступали «Лицедеев» минус четыре» (так, кажется, назывался тогда их «состав»). Программа называлась «Бессолница» (кажется, так), и в ней было много такого, что теперь украшает полунинскую гастроль. Можно предположить, что и нынешние параллельные выступления «Лицедеев» какими-то номерами пересекалась с новым «Шоу снов». Как дети лейтенанта Шмидта, они просто-напросто разделили сферы влияния. Как любили говорить старые эстрадники, легче менять аудиторию, чем репертуар. О трагическом мироощущении или метафизической пантомиме нет оснований говорить ни там, ни здесь...

Наш вопрос о коммерческом характере пантомимы, в том числе и той, которой занимается он сам, заданный Полунину на пресс-конференции, не застал его врасплох. Полунин начал рассуждать об общем характере коммерциализации искусства. Но комическая пантомима сегодня, так получилось, оказалась и впрямь хорошим товаром, и в смысле коммерции — едва ли не на переднем крае. Не зря же именно в сторону «Лицедеев» плавно срейфовала петербургская же команда «Дерева». Встретив их на фестивале авангардного театра в венгерском Сегеде, я, признаться, долго не мог поверить, что на сцене старинной синагоги (за полным отсутствием в городе евреев превращенной в одну из главных фестивальных площадок) играют мимы из театра «Дерева», а не мимы из «Лицедеев». Всё было похоже.

Полунина в отличие от прота-

гониста «Дерева» Антона Адашинского, нельзя упрекнуть в измене себе. Прошедшие годы сделали его чуть суше и строже. И расчетливее: он не торопится, да и не стремится рвануть одним махом все струны, а аккуратным перебором трогает сначала одну, потом другую, обращаясь то к нашему юмору, то к памяти. Память срабатывает лучше. Она (традиционно) отзывчивее.

Самое сильное впечатление, обещали, публику ждет в финале. И он наступил: сильнейший поток воздуха раздвинул «ватные одеяла», которые, как на весные ширмы, разгоразжили сцену. Одинокая фигурка Полунина, казалось, еще немного и полетит в зал вместе с ветром и тысячами бумажных снежинок, яркие огни слепили. Под избыточные аккорды «Кармины Бураны», которые также были призваны пугать и завораживать, все это должно было представить картину светопредставления.

Тут я вспомнил, как несколько лет назад, в Амстердаме, на осеннем театральном фестивале, мне пришлось побывать на выступлении одного всемирно известного нидерландского театра пантомимы «Дохтрупп». Одна из самых сильных сцен их спектакля «Динамо мунди» поражала похожим апокалиптическим размахом. Дул страшный ветер, пробиравший, кажется, до костей, не спался, говорят, ни высокий ярус, ни дальний ряд. Что-то страшное творилось на сцене, а в воздухе — по всему залу и сцене, которая в этом старом театре-цирке еще не потеряла очертаний арены, носились крупные хлопья снега. Трудно, конечно, утверждать, что Полунин или, наоборот, европейские мимы украли у другого этот сильный ход. Да и нужды нет разбираться. Главное, что и тут новое не вновь, оригинальность высказывания снова под сомнением: если повторять не себя, то кого-то другого. Среднеевропейская пантомима, как старый анекдот, не может рассчитывать на наши сильные чувства.